

Раз-два, обеими!

Светланов с РНО продирижировал оркестровыми версиями двух оперных шедевров Вагнера

Юлия Бедерова

Перед началом в забитом фойе гудели: «Будет Вагнер по-американски». Почему «по-американски», неясно. Осталось загадкой. Наверно, потому, что у страха глаза велики и на ум несется то, что ближе и стремительней. Потом оказалось, что оркестровые аранжировки вагнеровских оперных громад – «Кольца нибелунга» и «Парсифаля» – похожи на дайджесты. Но кроме этого – больше никаких американизмов. К тому же можно все это назвать и кратким обзором. А пока фойе гудело, не хотелось углубляться в страноведческий подход, но если уж на то пошло, скорей хотелось Вагнера по-голландски. Имя Хенка де Флигера – ударника, композитора, сотрудника Филармонического оркестра Нидерландского радио, который, собственно, и работал в 90-е вагнерианские аранжировки, на радость собственно-

Независимая — 2001 — 2 марта. — С. 8.

му дирижеру и коллегам, – никому ничего не говорило. Но голландская композиторская школа хорошо известна своей мощью и нетривиальностью, бодливым радикализмом, мягкой широтой взглядов, стремлением в постмодернистский рай и размашистой левизной в бэкграунде. При подобном реноме здесь всегда может вылупиться что-нибудь любопытное.

Не вылупилось. Хотя, не то чтобы совсем левацкие, но товарищески-братские отношения де Флигера с культурным материалом ощущались хорошо. И сам материал построился. Продефилировал, изрядно салютует.

Идею аранжировать оперного Вагнера до степени «симфонической фантазии» не откажешь в остроумии. Вагнер как был магнит, так им и остается. Но в формате симфонических концертов оркестрам приходится довольствоваться интермедиями.

Теперь же мы имеем две симфонические фантазии, в которых с соблюдением сюжетного движения («Кольцо») или без оного («Парсифаль»), составляясь из 14 эпизодов («Кольцо») или из 7 («Парсифаль»), все вагнеровское пресловутое томление, вся его кудрявая драматургия, все вязкое лейтмотивное плетение и напряженная вокально-оркестровая мысль укладываются в две аккуратные стопочки.

Из омута бесконечной мелодии выужены лаконичные кусочки, выглядящие как популярные темы. Де Флигер берет их в горсть, как зернышки, и старательно кидает их в публику, словно она тут бракуется.

Для Светланова эти зернышки – орешки. Он их и шелкает. Но делает это с присущими только ему патриархальной величавостью и грозным видом. Каким был совсем недавний

Брамс в его интерпретации (был осенним патриархом) и какого публике предложили Вагнера-Флигера – большая разница. Культ умножили на культ, Вагнера на Светланова, последний при этом оказался настолько далек от мысли просто отработать, так сильно вкладывался в каждый звук, в каждую линию лапидарной, штабелями, симфонической формы, что это умение показалось даже неадекватным. Результат был не столько томителен, сколько мучителен. Хотя оркестр (за вычетом нестройного начала) звучал мастито и не без удачи. Для тонкости же в самой партитуре не было особенного места. Правая вагнеровская идеология, изложенная не левацки, но в демократичном духе, приобрела светлановскую грозную, парадную и торжествующую стать. Все стало песнями и плясками смерти вагнеровской метафизики. ■